РУ́ССКІЙ А́РХІ́ВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ (младшимъ)

„Обычай правъ, усопшихъ важный совѣтъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій".

Баратынскій.

1913

КНИГА ПЕРВАЯ

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Библиотека "Руниверс"

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

6

стр.

707. Изъ стараго быта. Сообщено **В. Арсеньевымъ.**

720. Варіаціи на тему Кронштадтъ **декабриста Барона Штейнгеля.** Сообщено **В. Крыжановскимъ.**

735. Два кругосвѣтныхъ плаванія на кораблѣ «Суворовѣ». Сообщено **В. М. Кашкаровымъ.**

754. Изъ архива **Н. О. Кутлубицкого.** Сообщено **И. Бронскимъ.**

762. **А. В. Горскій** въ воспоминаніяхъ одного изъ своихъ учениковъ. Сообщено **Н. Г. Высоцкимъ.**

770. Шамиль и чеченцы. Статья **С. Фарфоровскаго.**

775. **Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.** Замѣтка **Пав. Россіева.**

778. Воспоминанія **А. К. Лелонгъ.**

809. Переписка **А. Н. Карцова.**

817. Волынь и ея историческіе дѣятели отъ Владиміра Святого до Богдана Хмѣльницкаго. Очеркъ **Н. П. Шадурскаго.**

844. Переписка **Кристина** съ княжной **Туркестановой.**

Внутри обложки: О книгахъ «Сказаніе о явленіи и чудесѣхъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы честныя и славныя Ея чудотворныя іконы нарицаемыя Ѳеодоровскія, яже на Костромѣ градѣ»; «Русскія ночи» кн. В. Ѳ. Одоевскаго; «Выставка въ память трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ»; «Континентальная блокада» Е. В. Тарле.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1913

Библиотека "Руниверс"

Александръ Васильевичъ Горскій въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ *)

Александра Васильевича Горскаго я въ первый разъ встрѣтилъ на пріемномъ экзаменѣ въ 1858 г., когда поступалъ студентомъ въ составъ XXIII курса Московской Духовной Академіи.

На этотъ экзаменъ, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго ректора Академіи, архим. С., явились всѣ тѣ наставники Академіи, по предметамъ которыхъ долженъ былъ производиться экзаменъ. Ихъ было не меньше 5-ти. Въ числѣ ихъ былъ и А. В. Горскій, тогда еще свѣтскій профессоръ. Кромѣ ректора, который пріѣзжалъ за годъ до моего поступленія ревизоромъ въ ту семинарію, изъ которой я поступалъ, я никого не зналъ изъ пришедшихъ къ намъ экзаменаторовъ ни съ внѣшней стороны, ни со стороны ихъ нравственнаго и ученаго характера. И Горскій, горбатый и въ свѣтскомъ офиціальномъ довольно старомъ фракѣ, мнѣ показался тогда чиновникомъ изъ Духовнаго Правленія, какихъ я въ дѣтствѣ встрѣчалъ на родинѣ, когда они пріѣзжали къ отцу моему съ разными правленскими книгами и за сборомъ овса и ржи съ священно-церковнослужителей.... Ректоръ производилъ

*) Помѣщаемыя здѣсь воспоминанія принадлежатъ одному изъ учениковъ знаменитаго ученаго, Александру Ивановичу Раменскому. Раменскій, по окончаніи курса въ Московской Духовной Академіи въ 1862 году, былъ назначенъ учителемъ въ Воронежскую Семинарію по классу церковно-библейской исторіи, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ перемѣщенъ на должность всеобщей и русской гражданской исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ: греческаго языка, православнаго исповѣданія и ученія о богослужебныхъ книгахъ православной церкви. Въ 1873 году, по болѣзни, онъ уволился отъ службы по духовному вѣдомству, и въ 1874 году былъ зачисленъ и. д. столоначальника въ одинъ изъ Московскихъ архивовъ. Здѣсь онъ пробылъ сравнительно недолго: въ 1877 году онъ оставилъ службу въ архивѣ и снова поступилъ на службу въ духовное вѣдомство. Дальнѣйшая судьба Раменскаго неизвѣстна.

Воспоминанія Раменскаго навѣяны были, вѣроятно, смертью А. В. Горскаго. Н. В.

Библиотека "Руниверс"

экзаменъ медленно и утомительно. Экзаменъ былъ что-то въ родѣ *духовной инквизиціи*, посредствомъ которой ректоръ хотѣлъ вызнать не только умственныя способности и познанія наши, но и черты нравственнаго характера. Пять человѣкъ въ одинъ разъ вызванныхъ должны были отвѣчать изъ 5-ти различныхъ предметовъ, пройденныхъ въ семинаріи. Такимъ образомъ, на срединѣ предъ сонмомъ экзаменаторовъ, приходилось въ необыкновенномъ умственномъ напряженіи стоять болѣе 3-хъ часовъ... Стоишь до того, что голова пойдетъ кругомъ, еле-еле не упадешь!... А ректоръ между тѣмъ бросаетъ медленно и съ небрежной разстановкой на всѣхъ, какъ стоящихъ, такъ и другихъ сидящихъ за партами, пытливые слова и взоры... Вопросы изъ всѣхъ предметовъ были то рядовые, (что по порядку слѣдуетъ изъ предмета), то неожиданные.

Среди такого экзамена, когда до меня дошла череда быть спрошеннымъ по церковной исторіи (предмету А. В. Горскаго), вдругъ поразилъ меня неожиданнымъ отрывочнымъ вопросомъ: „А не знаете-ли, зачѣмъ св. Іоаннъ Златоустъ пріѣзжалъ въ Константинополь?“ Такой вопросъ меня смутилъ... Стоять безмолвно казалось неудобнымъ... Я счелъ нужнымъ что-нибудь отвѣтить. „Его звали на Соборъ туда,—сказалъ я,—тогда было дѣло о сочиненіяхъ Оригена“.—„Что же читалъ Златоустъ Оригена?!“ съ нѣкоторымъ пытливо-угрожающимъ выраженіемъ голоса спросилъ меня Горскій. „Читалъ“, отвѣтилъ я. Тѣмъ и кончился мой экзаменъ по церковной исторіи. Какой баллъ мнѣ былъ поставленъ, я не знаю: это дѣлалось секретно.

Потомъ встрѣчались мы въ Академической библіотекѣ, которой онъ былъ библіотекаремъ. Какъ библіотекарь, на молодого студента онъ не производилъ пріятнаго впечатлѣнія. Видно было, что раздача книгъ студентамъ была для него непріятна. Должно полагать, что онъ почиталъ потеряннымъ это время для своихъ ученыхъ занятій! Впечатлѣніе оставалось отъ него, какъ отъ старой дѣвы, невышедшей замужъ!...

Затѣмъ, помню Горскаго, какъ онъ, 19-го Февраля 1859 г., отправлялся уже въ Москву, для посвященія безъ женитьбы въ *бѣлые священники*, говорилъ въ Лаврской Трапезной церкви, (въ которую собирались студенты для слушанія литургіи, по неимѣнію церкви въ самой Академіи) проповѣдь изъ словъ Моисея: „помяните лѣта вѣчная, роды родовъ разумѣйте!“ (Проповѣдь эта напечатана въ Приб. къ Твор. Св. Отецъ). Она поражала слушателей необыкновеннымъ ожи-

Библиотека "Руниверс"

вленіемъ и твердымъ паѳосомъ, съ которыми она произносилась; но я въ то время, увлеченный германской философіей и свѣтскою словесностью, мало обратилъ вниманія на проповѣдь...

Затѣмъ, будучи студентомъ, я опредѣленъ былъ въ 1860 году письмоводителемъ академическаго правленія, и съ этого времени ближе уже познакомился съ А. В. Горскимъ. У меня начались съ нимъ отношенія по редакціонному комитету изданія св. отецъ въ русскомъ переводѣ. На имя Правленія академіи нерѣдко адресовались деньги отъ выписываемыхъ твореній св. отецъ изъ правленія, я и долженъ былъ относить эти деньги А. В. Горскому, который и принималъ ихъ отъ меня, какъ членъ комитета, подъ расписку въ особенной для сего книгѣ канцеляріи правленія. При отдачѣ этихъ денегъ меня поражала необыкновенная точность и осмотрительность, съ которыми онъ принималъ деньги. Онъ строго требовалъ, чтобы деньги не вынимались изъ отношеній и находились непремѣнно въ тѣхъ именно отношеніяхъ, при которыхъ они присланы. Это для того, чтобы, какъ онъ самъ же объяснилъ, знать откуда присланы деньги, если онѣ окажутся поддѣльными. Вообще, старикъ съ сѣдой бородой, вѣчно окруженный массою книгъ, когда я ни приходилъ къ нему, при его точности онъ моему воображенію представлялся чѣмъ-то въ родѣ мага или колдуна!... Другіе студенты, видавшіе его только въ классѣ, смотря на его внѣшній видъ, называли Николаемъ Чудотворцемъ Зимнимъ. Приходя къ нему, я долгомъ своимъ почиталъ каждый разъ подойти подъ благословеніе и поцѣловать руку. Благословивъ, онъ не давалъ цѣловать руки, но быстро отрывалъ ее, и, вмѣсто того, лобызалъ въ уста. При строгости его, я тогда не вѣрилъ и относился съ какимъ-то чувствомъ недовольства къ его лобзанію: мнѣ казалось это какой-то хитростью, обманомъ! Какъ будто въ поцѣлуѣ его передавался тебѣ тотъ злобный на все и на тебя характеръ, съ которымъ представлялся лобзавшій. Потомъ, при бо̀льшемъ знакомствѣ, меня онъ началъ интересовать своею таинственностью. Невольно чувствуя къ нему уваженіе, какъ къ человѣку очень ученому, но въ то же время не чувствуя къ нему любви и привязанности, я сталъ вдумываться, что это за человѣкъ? Не скрытный никогда, я видимо для него самого сталъ слѣдить и всматриваться въ его движенія и слова. Можетъ быть, замѣтивши это, и онъ сталъ проще и ласковѣе ко мнѣ. Разъ дѣло чуть не дошло до любезностей. Пришелъ я къ нему вечеромъ, часовъ въ 6-ть, предъ нимъ самоваръ; посадилъ меня на стулъ и предложилъ чаю. Такъ какъ чай былъ сладкій, то я сказалъ, что не пью сладкаго чаю и не привыкъ къ нему, просилъ, чтобы онъ меньше клалъ сахару;

Библиотека "Руниверс"

но онъ, напротивъ, положилъ еще больше. Затѣмъ разговоръ перешелъ къ жизни въ Академіи. Онъ представлялъ себѣ какъ-будто быть студентовъ совершенно неизвѣстнымъ. Я захотѣлъ было воспользоваться предметомъ разговора въ свою пользу и выпытать у него тайну тогда щедро производившихся изъ монастырей Московскихъ пожертвованій на Академію. Дѣло въ томъ, что у правительства явилась тогда мысль отобрать у монастырей капиталы. Покойный митрополитъ Московскій придумалъ, не отдавая ихъ въ свѣтскія руки, употребить на духовныя заведенія, и вотъ щедро посыпались на Академію пожертвованія отъ разныхъ монастырей. „Вотъ, заговорилъ я, будетъ хорошо-то жить въ Академіи! Полы будутъ паркетные... Нѣжности будутъ такія... Откуда такія и милости?“ Онъ посмотрѣлъ на меня, улыбнулся и сказалъ только: „да, по русской пословицѣ, если просишь корову, то теленка дадутъ“.

Во время моего письмоводительства въ академическомъ правленіи происходилъ пріемъ дубликатовъ въ академическую библіотеку изъ книгъ Синодальной Московской типографіи, передававшихся въ это время въ Публичную Библіотеку... На одной изъ бумагъ по этому дѣлу состоялась довольно длинная резолюція покойнаго преосвященнаго митрополита московскаго Филарета. Резолюціи митрополитъ Филаретъ писалъ скоро и небрежно, такъ что нужна была особенная привычка разбирать ихъ. Я любилъ углубляться въ его почеркъ, и все разбиралъ; но одного слова въ сказанной резолюціи никакъ не могъ разобрать ни по смыслу, ни по начертанію. Показалъ секретарю правленія академіи, чтобы разобрать. „Да, я уже лѣтъ 15 не читаю Филарета!“—сказалъ мнѣ секретарь. „Какъ же быть-то? Надобно въ журналъ внести!“—сказалъ я. „А вотъ что, сказалъ онъ, вы покажите Александру Васильевичу: онъ любитъ это!“

Я пришелъ къ Александру Васильевичу, принесъ бумагу съ таинственнымъ для меня словомъ въ резолюціи Филарета, и объяснилъ, что не могу разобрать А. В. дѣйствительно просіялъ духомъ при видѣ руки Филарета. Съ особенною благоговѣйною любовью взялъ у меня бумагу. Дѣло было въ томъ, что одинъ пунктъ резолюціи гласилъ: „Академія распорядитъ книги“. Этого-то слова: „распорядитъ“ я и не могъ разобрать. „Распорядитъ, распорядитъ, dirigit,—повторялъ А. В., любуясь въ то же время мудростію и красотою выраженія и примѣненіемъ онаго въ отношеніи къ распорядку книгъ въ библіотекѣ.

Однажды, идя къ А. В. съ деньгами и записными тетрадями, я увидѣлъ въ корридорѣ его двухъ молодыхъ женщинъ. Встрѣча женщинъ

Библиотека "Руниверс"

въ Духовной Академіи, куда женщины не допускались, и при томъ въ корридорѣ верхняго академическаго этажа, гдѣ жилъ Горскій, въ другое время меня удивила бы, но теперь я вполнѣ былъ занятъ мыслью о надлежащей сдачѣ редакціонныхъ денегъ строгому и осмотрительному пріемщику ихъ, и потому появленіе особъ прекраснаго пола въ академическомъ корридорѣ на меня не произвело никакого впечатлѣнія и не возбудило ни малѣйшаго удивленія по своей странности и неожиданности. „Намъ нужно библіотекаря, какъ пройти къ нему?“—спросили меня женщины. „Я къ нему иду; за мной извольте идти“, отвѣтилъ я имъ. Лишь только я пришелъ въ комнаты А. В. и расположился съ деньгами и документами, какъ отворилась дверь и явились помянутыя женщины. „Что вамъ угодно?“—Спросилъ ихъ Горскій. „Намъ бы нужно Библіотекаря“. „Я“,—сказавъ онъ. „Да намъ того, который неженатымъ поступилъ въ священники“. „Я“.— При этомъ послѣднемъ „я“ обѣ женщины упали тутъ же въ обморокъ. А. В. позвонилъ въ колокольчикъ, явился служитель его, и женщины были выпровожены изъ его комнатъ. Подойдя затѣмъ ко мнѣ, все занятому сдачей денегъ и бумагъ и мало обращавшему вниманія на происходившее, онъ сказалъ: „это все мной интересуются“. Потомъ онъ принялъ отъ меня деньги, и я удалился отъ него, занятый мыслью о другихъ своихъ студенческихъ и канцелярскихъ занятіяхъ, забывъ совершенно о происшедшемъ. Уже по окончаніи академическаго курса, находясь на должности, я какъ-то разъ неожиданно вспомнилъ это событіе. На этотъ разъ мнѣ представилось и психологическое объясненіе паденія въ обморокъ женщинъ. Я думалъ, что женщинамъ этимъ, по свойственному имъ любопытству, хотѣлось видѣть неженатаго священника, потому, что онѣ представляли его себѣ молодымъ и красивымъ. И вдругъ увидѣли предъ собой сѣдого старика. Думаю, что эта-то нечаянность и поразила ихъ до обморока.

Замѣчая во мнѣ вообще недовѣріе къ московскому богословскому направленію и большую склонность и вѣру въ кіевское богословское направленіе, однажды, помню, вскользь, А. В. замѣтилъ: „да они по малороссійской пословицѣ: и Богу свѣча и черту кочерга!“ Но я все-таки оставался на сторонѣ кіевлянъ, а не московитянъ, ибо изъ дѣтства любилъ Иннокентія...

Когда писалъ я курсовое сочиненіе объ Эздрѣ (извѣстной Библейской личности) для полученія академической степени, которой я однакожъ усиленно не искалъ, такъ какъ мнѣ, какъ и многимъ изъ моихъ товарищей, раздача этихъ степеней казалась неправильною, тогда мнѣ

Библиотека "Руниверс"

хотѣлось для точности сочиненія непремѣнно видѣть еврейскій Талмудъ. Горскій далъ мнѣ, хотя и неохотно, двѣ или три главы изъ Талмуда въ нѣмецкомъ переводѣ. Но я этимъ не удовольствовался и твердо рѣшился требовать весь Талмудъ. Пришелъ къ нему. Настойчивость моя, должно быть, удивила его. „Да у насъ нѣтъ его всего!“—И однакожъ подошелъ къ шкафу, вынулъ какую-то книгу и разсѣлся предо мной съ такимъ важно строгимъ видомъ ученаго раввина, что я даже испугался и поспѣшилъ скорѣе уйти отъ него, не интересуясь болѣе полнымъ Талмудомъ.

Классныя лекціи Горскаго по церковной исторіи начинались жизнію Іисуса Христа. Излагалъ онъ событія Евангельской исторіи съ чувствомъ благоговѣнія къ нимъ, и молодому русскому сердцу въ этомъ благоговѣніи слышался какъ-будто оттѣнокъ католическаго или нѣмецкаго чувства. Эта молитвенная набожность его въ лекціяхъ, послѣ вкушенія древа познанія добра и зла въ нѣмецкой философіи и свѣтской словесности, производила на меня противоположное впечатлѣніе, хотя впослѣдствіи она и не прошла безслѣдно для меня при самостоятельной разработкѣ всего того, что вынесено было изъ Академіи. Дальнѣйшія лекціи его по исторіи отъ временъ библейскихъ, наполненныя массою цифръ, номенклатурою собственныхъ и географическихъ именъ, мнѣ казались скучны и утомительны! Но представляя его всезнающимъ, какъ бы самымъ церковно-историческимъ Архивомъ, я на лекціяхъ его, не слѣдя за чтеніемъ его, отдавался своей фантазіи и по своему воображалъ героевъ добра и зла изъ прошедшей жизни человѣчества. На другихъ товарищей моихъ студентовъ лекціи его производили то же впечатлѣніе и они или вовсе не стали приходить на нихъ, занимаясь себѣ въ номерахъ тѣмъ, что кому нравилось, или нѣкоторые приносили въ классъ и читали во время лекцій книжки свѣтскихъ журналовъ или вновь полученные номера русскихъ газетъ... Замѣтивши это, Горскій однажды призвалъ къ себѣ одного студента и просилъ его передать всѣмъ студентамъ, чтобы въ слѣдующій урокъ его собрались всѣ студенты, такъ какъ онъ на этотъ разъ намѣренъ сказать нѣчно необыкновенное. Болѣе половины дѣйствительно собралось, а много не явилось и на этотъ призывъ. Явившись въ классъ, онъ объяснилъ, что замѣчаетъ въ насъ равнодушіе и холодность къ своимъ лекціямъ, чего у предшествовавшихъ курсовъ не бывало, что объясняетъ эту холодность нашимъ непониманіемъ его лекцій, и потому съ сего дня онъ будетъ уже читать лекціи не съ каѳедры, какъ дѣлалъ до сихъ поръ, а устно хочетъ преподавать ихъ намъ. При этомъ онъ просилъ студентовъ, чтобы послѣ первой лекціи, что кому покажется неяснымъ

Библиотека "Руниверс"

или недостаточнымъ, тотъ на особомъ листикѣ подавалъ ему свои недоумѣнія и сомнѣнія, которыя онъ и обѣщалъ разрѣшать въ слѣдующій же классъ. Нѣкоторые изъ студентовъ дѣйствительно предлагали такіе письменные вопросы, которые Горскій и разрѣшалъ въ классѣ, но скоро и этотъ обычай изчезъ. Прежнее равнодушіе овладѣло студентами.

Передъ окончаніемъ курса, онъ опять призвалъ одного студента и спрашивалъ: „Не знаете-ли, почему студенты не ходили на мои лекціи?“—„Да не нравились онѣ студентамъ!“,—отвѣчалъ тотъ.—„Я читалъ лекціи по первоисточникамъ; съ ними готовъ я итти на судъ Владыки, на судъ Божій“,—сказалъ на это Горскій.

Послѣ окончанія нашего курса (XXIII) А. В. Горскій опредѣленъ былъ Ректоромъ Академіи.

Ректоромъ Академіи его видѣлъ я въ 1867 г., когда проѣзжая мимо Академіи, на родину, мнѣ захотѣлось видѣть и Академію и Ректора ея. „А, вы не забыли насъ!“—встрѣтилъ меня такими словами Ректоръ. „И никогда не забуду“,—сказалъ я. „Глубокими чертами врѣзалась въ меня Академія!“—„Вы изъ Воронежа?—продолжалъ Горскій, ну, что какъ у васъ въ Воронежѣ?“ Объясняя Воронежскую жизнь, я сказалъ между прочимъ, что мнѣ кажется, что все-таки тамъ хоть и русскій городъ, а чисто русской интеллигенціи нѣтъ. Много и тамъ поляковъ.—„А и тамъ много!“—замѣтилъ Горскій.—„Много нѣмцевъ; тѣхъ еще, должно быть, Петръ Великій натаскалъ“. (Это слово *натаскалъ* ему понравилось). „У Васъ тамъ былъ де-Пуле!“—продолжалъ Горскій. Я какъ умѣлъ объяснилъ, что такое де-Пуле. „Хоть и умный человѣкъ, говорилъ я о де-Пуле,—а всетаки есть въ немъ что-то католическое, какъ будто уже это въ самой крови... *Орденность*—вотъ онъ къ чему стремится“. „О, вы въ Воронежѣ выдумываете новыя слова“!—замѣтилъ Горскій. „А вы сами-то какъ тамъ живете?“—спросилъ Горскій. „Скучно!“—сказалъ я. „Вы женились бы“,—съ ироніей сказалъ ректоръ. Этой то ироніи я и ждалъ отъ него. Не помню теперь, какъ я назвалъ его; но сказалъ ему что-то въ родѣ слѣдующаго: „Ваше Высокопреподобіе! Да какъ же тутъ жениться? Все тамъ монахи или холостые наставники, и тѣ, которые женаты, какіе то безсемейные, дѣти умираютъ. Какъ будто осѣчка человѣчества!“... Мои слова, видимо, подѣйствовали на него; насмѣшливость изчезла, и онъ погрузился въ глубокую задумчивость, такъ что и я молчалъ и онъ молчалъ.

Библиотека "Руниверс"

Выручилъ пришедшій докторъ Академіи; но и при немъ смущенье Александра Васильевича продолжалось. Онъ все еще молчалъ.

— „Вы звали меня!“ говорилъ докторъ.

— „Какъ звалъ? Нѣтъ, не звалъ!“

— „Нѣтъ звали!—продолжалъ докторъ,—потому я и пришелъ къ Вамъ“.

— „Да, вспомнилъ, дѣйствительно звалъ“.

Оказалось, что Горскому нуженъ былъ докторъ потому, что одинъ студентъ Академіи, уѣхавши въ Москву, прислалъ оттуда медицинское свидѣтельство о болѣзни глазами, подъ которымъ значилась надпись доктора Остроглазова. Такое совпаденіе фамиліи съ болѣзнью заставило осмотрительнаго ректора справиться у доктора: „не знаетъ-ли онъ, докторъ, есть-ли въ Москвѣ докторъ Остроглазовъ?... Не помню ужъ, что на это сказалъ докторъ, который скоро удалился; пошелъ затѣмъ и я, облобызавшись на прощаньи съ Александромъ Васильевичемъ.

Послѣдній разъ я видѣлъ Горскаго въ 1873 году, на первой недѣлѣ Великаго поста. Уволенный тогда отъ должности, я пришелъ къ нему потому, между прочимъ, что хотѣлось себя повѣрить имъ. Показавъ свой аттестатъ, выданный мнѣ изъ семинаріи, я объяснилъ свое положеніе... Замѣтивъ, что аттестатъ мой измятъ и запачканъ отъ употребленія, такъ какъ онъ служилъ мнѣ и билетомъ, который я долженъ былъ показывать вездѣ[1])....., я попросилъ его принести листъ бѣлой бумаги и обернуть аттестатъ мой. „Вы, вѣдь, духовный?“— „Да, самъ я не просился объ увольненіи изъ духовнаго званія!“ [2]). „Хорошо быть безъ должности,—говорилъ я между прочимъ, но вотъ только денегъ не откуда брать... Вотъ Іисусъ Христосъ училъ учениковъ не заботиться о деньгахъ и объ одеждѣ“...

„Вы не миссіонеръ!“—ласково сказалъ Горскій. И вообще въ этотъ разъ принялъ меня необыкновенно ласково, снисходительно и съ полнымъ участіемъ, замѣтивъ однакожъ, что „Академія вамъ ничего не можетъ дать“! „Немного дамъ я вамъ денегъ“, сказалъ Горскій, вынося изъ кабинета три рубля. И съ участіемъ проводилъ меня до самой двери изъ передней залы. Двигался въ это время онъ уже медленно и трудно....

Сообщилъ **Н. Г. Высоцкій.**

---

[1]) Нѣсколько словъ далѣе написано крайне неразборчиво.

[2]) Тоже.

Библиотека "Руниверс"